

Л.Бечин

Лев Бечин

Последний пантограф

«Автор»

2026

Бечин Л.

Последний пантограф / Л. Бечин — «Автор», 2026

Подземный город метротрама вступил в «Бесшумный век». Старая контактная сеть демонтирована, «рога» трамваев спилены, а поездами теперь управляет безупречный искусственный интеллект. Всё стало стерильным, тихим и цифровым. Илья, старший картограф Службы движения, искренне любит геометрию рельсовых путей. Но его преследует кошмар восьмилетней давности, когда нарисованная им от скуки призрачная Тринадцатая ветка едва не утянула поезд в глухую бетонную стену. Восемь лет туннель молчал. Но теперь, когда из подземки исчезли искры и электрический гул, старая запечатанная ветка начинает умирать без энергии и шлет в сеть отчаянный аналоговый сигнал SOS. Чтобы разгадать тайну довоенного спецобъекта и спасти гаснущую систему города, Илье и списанному на пенсию машинисту Петровичу придется пойти на преступление: тайно проникнуть в закрытое депо и угнать последний оставшийся в мире семисекционный трамвай с пантографом. Ведь только старое железо способно принять токи ушедшей эпохи...

© Бечин Л., 2026

© Автор, 2026

Лев Бечин

Последний пантограф

Последний пантограф

Пролог. Бирюзовый радиус. 3242 год от Старого Мира

Стык. Ещё один стык. Три секунды темноты, а затем — ослепительная вспышка бирюзового неона, бьющая по глазам сквозь лобовое стекло кабины.

Станция «Верхние Сады» пронеслась мимо затяжным полукругом. Никаких садов здесь, конечно, не было уже тысячу лет — только закопчённые своды глубокого заложения, гидропонные фермы за стальными решетками путевых стен и толпа людей в серых комбинезонах, провожающая вагон усталыми взглядами.

Илья сидел на откидном сиденье прямо за спиной машиниста. На его коленях лежал тяжелый планшет, на экране которого светилась капиллярная сеть транспортной системы. Две прямые стрелы — Бирюзовая и Оранжевая — и замыкающее их угловатое Бордовое кольцо.

Вагон шел натужно. Это был «Корсар-М» тридцать второго поколения — гордость Департамента Транспорта. Огромный, семисекционный исполин, настоящий подземный крейсер длиной почти в семьдесят метров. Его сочлененные узлы-гармошки со скрежетом изгибались на поворотах, перегоняя воздух по длинному, забитому пассажирами салону. Изломанный, хищный силуэт, панорамное остекление, защищенное снаружи толстой рабицей от возможных обвалов, и тяжелый, сытый гул чешских тяговых двигателей. Спаренные светодиодные фары вагона мощными белыми лучами разрезали сырой полумрак перегона, выхватывая из темноты кабели на стенах и убегающие вперед рельсы.

— Опять на стрелке у «Бастiona» дуга прыгнула, — не оборачиваясь, хрипло пробасил машинист Петрович, лениво толкая вперед ручку контроллера. — Слышал, Илюха? Свод проседает, контактный провод вечно сырой. Скорей бы нас на аккумуляторы перевели, задолбало ловить эти искры. Семь секций за собой тащить на таком профиле пути — это тебе не шутки, нагрузка на сеть бешеная.

Илья не ответил. Он увеличил стилусом узел пересадки на Кольцевую. Его пальцы двигались по экрану с той точностью, какая бывает только у людей, искренне влюбленных в геометрию рельсовых путей. Для всех остальных это были просто цветные ниточки, по которым они добирались от работы до коек. Для Ильи схема была живым существом. Он чувствовал её пульс через подошвы обуви — каждый стык, каждый стрелочный перевод, каждый уклон в тридцать тысячных.

Над крышей первой секции трамвая оглушительно бабахнуло. Вспышка синего электрического пламени на мгновение затмила свет собственных фар, превратив лицо Петровича в бледную маску. Это угольная вставка пантографа — «рога» — наткнулась на наплыв замерзшей грунтовой воды на контактном проводе. По всему длинному семисекционному телу состава прошёл глухой толчок. Вагон на секунду потерял ход, свет в салоне мигнул и погас, оставив только аварийные бирюзовые маркеры вдоль плитусов, но тут же зажегся снова. Трамвай потащил свою многотонную стальную плоть дальше, вгрызаясь в темноту перегона.

— Вот видишь! — сплюнул Петрович. — Смерть этой сети приходит. Жду не дожусь тридцать пятидесятого, обещали же всё Кольцо на автономку перевести. Рога спилят, провода снимут. Фары-то новые поставят — прожекторы дай бог каждому, туннель до самого тупика видно будет. А вот связи с линией не останется. Станет тихо, как в могиле.

Илья посмотрел на экран планшета. В программе проектирования был открыт скрытый слой. Парень аккуратно, стараясь не попасть на стык рельсов, провел тонкую линию от тупика станции «Заводская» Бирюзового радиуса. Линия шла в глухую серую зону — туда, где на официальных картах значился монолит скальной породы.

Просто так. Ради эстетического баланса схемы. Бордовому кольцу не хватало симметрии, и Илья чисто интуитивно нарисовал ССВ — служебно-соединительную ветку, уходящую в пустоту. Он выставил ей параметры: «двухпутный туннель, цепная контактная подвеска, радиус кривой — 20 метров». На конце ветки он поставил аккуратную точку и подписал: «Станция 13. Запёкшийся креозот».

— Петрович, — негромко позвал Илья, не отрывая взгляда от экрана. — А если контактную сеть снимут... как мы узнаем, что в туннеле кто-то есть? Сейчас хоть по искрам на потолке понятно. И по гулу тока в проводах.

— А никак, — Петрович коротко обернулся, и на его лице промелькнула странная, нездоровая усмешка. — В полной тишине поедет, парень. Фары будут светить на километр вперед, выжигая мрак, но вокруг — ни звука. Ни шуршания сети, ни щелчков подстанций. Если там, впереди, во тьме у кого-то погаснет электроника — ты увидишь его идеальный силуэт в лучах своих фар слишком поздно, когда твой бампер уже вошёл в его обшивку.

Трамвай качнулся, закладывая крутой вираж и увлекая за собой длинный хвост из семи вагонов. Мощный луч света скользнул по изгибу туннеля, и Илья перевел взгляд на планшет. Парень похолодел.

Его нарисованная линия — та самая тринадцатая ветка, которой не существовало в природе — изменила цвет.

Программа-навигатор, подключенная к общегородской системе централизации и блокировки, внезапно обработала его рисунок как реальный объект. Она окрасила несуществующие пути в бирюзовый цвет и выдала системное уведомление, от которого по спине Ильи побежали мурашки:

«Внимание. Перегон "Заводская — Станция 13". Путь свободен. Установлен маршрут следования для состава № 4102».

Номер 4102 был выбит на табличке прямо над ветровым стеклом их трамвая. А впереди, в паре сотен метров, в ярком луче головных фар Илья увидел то, чего быть не могло. Стрелка, которая всегда была наглухо заварена старыми рельсами и вела в тупиковую стену, вдруг с глухим, гидравлическим скрежетом перевелась в сторону. А за ней вместо глухого бетона уходил вглубь бесконечный, пахнувший сыростью и старым маслом новый туннель.

Глава 1. Бесшумный век. 3250 год от Старого Мира

Восемь лет изменили подземный город до неузнаваемости. Департамент Транспорта всё-таки дождал «Программу Автономизации», и теперь Бирюзовый радиус, когда-то ревевший моторами и сыпавший синими искрами, казался призрачно тихим.

Илья, теперь уже старший картограф Службы движения, стоял на краю платформы станции «Площадь Мира». На путевой стене вместо старых жестяных указателей красовалась стильная бирюзовая лайт-панель. Из туннеля не доносилось ни звука — ни привычного гула подстанций, ни щелчков реле. Контактный провод под сводами демонтировали три года назад. Остались лишь ржавые крючья в бетоне, напоминавшие о временах, когда трамваи ходили с «рогами».

Из темноты, разрезая её лазерными фарами безупречно белого цвета, выкатился состав. Это был «Корсар-А» — новейшая, полностью автономная модификация тридцать пятого поколения. Абсолютно бесшумный, обтекаемый, без единого намека на пантограф. Тяжелые маневровые батареи прятались под полом, а управление полностью контролировал бортовой процессор. Вагон замер, скользнув по бесстыковым рельсам, двери бесшумно разъехались в стороны.

Илья зашел в салон, пахнувший новым пластиком, и сел у окна. На его коленях лежал всё тот же рабочий планшет, но программа проектирования была защищена тремя уровнями шифрования.

Все эти восемь лет Илью преследовал один и тот же кошмар: ночь 3242 года, гидравлический скрежет ожившей стрелки и туннель, уходивший в монолитную скалу. Тогда, восемь лет назад, Петрович успел ударить по магнитам экстренного торможения. Состав замер в полуметре от раскрытого зева тринадцатой ветки. А на следующее утро, когда Илья вернулся туда с ремонтной бригадой, стрелка снова была наглухо заварена, а за ней стояла сплошная стена бетона. Блокнот парня завис, стерев все черновики. Петровича через месяц списали на пенсию по состоянию здоровья — старик утверждал, что видел в глубине того туннеля тусклые огни чужого депо.

Теперь Илья был осторожнее. Он больше не рисовал линии ради забавы. Но страсть к схемам никуда не ушла — он искал закономерность.

Трамвай набрал ход, мгновенно разогнавшись до семидесяти километров в час. За окном проносились идеально освещенные диодными лентами перегоны. Всё выглядело безопасным, стерильным и цифровым. Автономные поезда считывали лазерные метки на стенах, исключая любую ошибку человеческого фактора.

Но Илья знал: автоматика видит только то, что внесено в её базу данных.

Парень открыл инженерный интерфейс планшета и вывел скрытую тепловую карту Бирюзового радиуса. В районе перегона «Заводская» датчики энергосети города периодически фиксировали странную вещь: микроскопические утечки тока. Новые поезда шли на аккумуляторах и ничего не предположили извне, но в пустых, лишенных проводов туннелях кто-то или что-то с завидным постоянством замыкало старые заземляющие контуры. Ложная занятость путей возникала на доли секунды и тут же исчезала, сводя с ума центральный компьютер диспетчерской.

Илья увеличил этот участок на своей схеме. Пальцы по привычке потянулись к стилусу. Вокруг была идеальная, тихая цифровая эпоха. Но там, во тьме за пределами бирюзовых неоновых линий, всё еще лежал старый мир. И этот мир, судя по всему, отчаянно требовал, чтобы его нанесли на карту.

Илья занес стилус над экраном, колеблясь. В этот момент бесшумный «Корсар-А» внезапно вздрогнул. Лазерные фары состава на мгновение пожелтели, словно просев от дикого напряжения, а из динамиков автоинформатора вместо приятного электронного голоса донеслось забытое, страшное, аналоговое шипение старой радиосвязи.

Глава 2. Сигнал из тупика. 3250 год от Старого Мира

Илья стоял на платформе «Заводской», прижав планшет к груди. Вокруг него шуршали пассажиры, спешащие к гигантским эскалаторам, уходящим вверх — туда, где над сводами станции, в вырубленных в скале кавернах, располагались жилые ярусы южного сектора. Но парень не двигался. В его ушах всё ещё стоял этот хриплый, мёртвый голос из динамиков «Корсара-А»: «Состав четыре-один-ноль-два, доложите координаты...»

Официальная схема города, горевшая на лайт-панелях станции, утверждала, что за оборотными тупиками «Заводской» ничего нет. Метротрам заканчивался здесь, упираясь в гранитный щит южного сектора.

Но на инженерном экране Ильи багровая точка ложной занятости продолжала пульсировать. Фантомный поезд № 4102 стоял на несуществующих путях. Илья понимал логику транспортных систем слишком хорошо, чтобы списать это на простой глюк. Автоматика нового века была стерильной, но она строилась поверх древних, заваленных землей докризисных магистралей. Его карандаш восемь лет назад не создал туннель из ничего — он просто замкнул в коде программы старую, стертую из памяти ветку. И реальность прогнулась под этот чертеж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.